

Глава 21

Видя, что Тоба Яньчи приготовился к схватке не на жизнь, а на смерть, Цзи Хуайчжэнь невольно поддался общему напряжению. Оглядевшись по сторонам, он, припадая на одну ногу, подобрал в углу старые навозные вилы. Глядя на них, господин Цзи не смог сдержать выражения глубокого отвращения.

Лже-Саньси подходил всё ближе. Тяжёлый клинок в руках юноши уже наполовину покинул ножны.

В это роковое мгновение со двора донёлся звонкий, задорный голос — это вернулась старшая дочь Сингэжилэ и Думы.

— Отец, матушка! У нас гости?

Девушку звали Худе. Она была настолько хороша собой, что при одном взгляде на неё невольно светлело в глазах. Самозванец, чей взор тут же приковала юная красавица, мгновенно позабыл об осторожности. Не сводя глаз с Худе, он грубо осведомился у хозяина, кто это такая.

Супруги, расплывшись в подобострастных улыбках, поспешили увести дочь в дом, на ходу поясняя, что это их кровинка, которая на днях выходит замуж в соседнюю деревню, а сегодня отлучалась в город за приданым.

Лже-Саньси на мгновение задумался. В это время из переднего двора вошёл ещё один стражник и окликнул его:

— Господин, обнаружили что-нибудь подозрительное?

Преследователь качнул головой. Погреб он так и не заметил. Яньчи незаметно перевёл дух, и сверкающая сталь, которую он так тщательно точил, бесшумно скользнула обратно в ножны.

Во двор вошли ещё несколько человек. Они перевернули всё вверх дном и, не найдя никого, разочарованно направились к выходу. Лишь лже-Саньси перед самым уходом ещё раз бросил долгий взгляд на окна комнаты, где скрылась Худе.

Стоило страже скрыться, как силы окончательно покинули Цзи Хуайчжэня. Отшвырнув вилы в сторону, он зашёлся в таком яростном кашле, что казалось, у него сейчас вылетят лёгкие.

Седьмой принц повернулся к хозяевам:

— Вам больше нельзя здесь оставаться.

Цзи Хуайчжэнь, всё ещё потирая грудь, криво усмехнулся. В его глазах мелькнул недобрый огонёк.

— Почему это нельзя? — прохрипел он. — Нужно просто найти случай и прирезать того мерзавца. Бросим тело в какой-нибудь овраг — и дело с концом. Тогда и переезжать не придётся.

Яньчи лишь холодно хмыкнул:

— Сдаётся мне, ты просто хочешь свести с ним личные счёты.

И это было чистой правдой.

Услышав, что солдаты ушли, Худе вышла из комнаты. Увидев Цзи Хуайчжэня, она охнула и испуганно указала на него пальцем:

— Господин, у вас кровь!

Яньчи мгновенно обернулся.

Из-за надсадного кашля старые раны Цзи Хуайчжэня вновь открылись, и в уголках его губ выступила кровь. Сам он почти ничего не чувствовал, кроме давящей тяжести в груди и лёгкого головокружения, но юноша не на шутку встревожился. Охваченный гневом и беспокойством, он подхватил мужчину на руки и быстро отнёс в комнату. Тот попытался было что-то пролепетать о грязных руках, которыми он трогал вилы, но принц даже не стал слушать. Запихнув его под одеяло, он велел Думе немедленно проверить у больного пульс.

Стоило Яньчи проявить твёрдость, как Хуайчжэнь тут же притих. Заметив на столе стопку красной ткани, в которой угадывался подвенечный наряд, и венчающую её фениксовую корону, он повернулся к девушке:

— Ты выходишь замуж? Поздравляю.

Худе с лукавой искоркой в глазах ответила:

— Не я выхожу замуж, а вы, господин. Примите и мои поздравления.

Хуайчжэнь замер в оцепенении. Посмотрев сначала на Яньчи, а затем на Сингэжилэ и Думу, он мгновенно осознал их замысел.

— Ну и способ вы придумали... — пробормотал он с непередаваемым выражением лица.

— Другого пути нет, — отрезал Яньчи. — В городе объявлено военное положение. Въехать можно свободно, но для выезда требуется грамота из управы. Выбирай сам: либо едешь в паланкине как невеста, либо тебя выносят в гробу.

Разница была лишь в одном иероглифе, но на деле она была огромной: либо тебя вывозят сидя, либо — вперёд ногами.

Что ж, невеста так невеста!

Губы Цзи Хуайчжэня дрогнули, и он со вздохом сдался:

— Ладно, я согласен. В конце концов, это всего лишь игра. Но я должен хотя бы знать, за кого выхожу. Моя репутация до сих пор была безупречной...

Он внезапно осёкся. Чуть не сболтнул лишнего!

У Цзи Хуайчжэня было бесчисленное множество интрижек, но формально он никогда не был связан узами брака. Он не был похож на того бедолагу-вдовца Лу Ши, ведь сам он ещё ни разу не стоял перед алтарём.

Он бросил на юношу многозначительный взгляд. Его слова прозвучали двусмысленно — так, чтобы их истинный смысл поняли лишь они двое. Цзи Хуайчжэнь намеренно дразнил его, напоминая о той давней просьбе: нельзя ли, мол, сначала обвенчаться, а уже потом переходить к нежностям.

Яньчи предсказуемо смутился и предостерегающе сверкнул глазами. Худе, глядя на них, лишь прыснула в кулак. Она в шутку хлопнула Хуайчжэня по плечу, случайно задев рану, отчего тот невольно вскрикнул.

Принц тут же дёрнулся к нему, но, поймав насмешливый взгляд Худе, заставил себя остановиться. Смесь тревоги и упрямства отразилась на его лице, и он, сердито отвернувшись, буркнул:

— Так тебе и надо.

— Господин, — заговорила девушка, — мать вашего «супруга» спасла моих родителей, и я должна отплатить добром за добро. Я готова «одолжить» своего жениха мужу нашей благодетельницы, чтобы он забрал вас как свою невесту. А в это время благодетель Сяо Янь смешается с толпой провожатых.

Она хитро прищурилась.

— Но не волнуйтесь, перед предками кланяться буду я сама. Это лишь предлог, чтобы вывезти вас обоих из города.

Её путанные объяснения о мужьях и женах окончательно сбили с толку обоих мужчин, а Сингэжилэ и вовсе вывели из себя. Проворчав что-то о дочерях, которые только и мечтают сбежать из дома, он в сердцах ушёл кормить скотину.

Хуайчжэнь задумчиво протянул:

— Так, значит, я венчаюсь не с тобой? А почему не с тобой?

Яньчи, не выдержав, поднялся.

— Я не согласен, — бросил он через плечо и вышел во двор помогать Сингэжилэ.

Худе хмыкнула:

— А мне кажется, наш благодетель Сяо Янь очень даже не против.

Цзи Хуайчжэнь лишь усмехнулся, промолчав. Он вспомнил тот взгляд, который лже-Саньси бросил на Худе перед уходом, и в его голове начал созревать план. На вопрос о свадьбе девушка ответила, что всё назначено через пять дней — боялись, что его ноги не успеют окрепнуть. Но после сегодняшнего переполоха, возможно, придётся поспешить.

«Ждать пять дней, чтобы прикончить какую-то падаль? Трёх будет предостаточно»

Спустя пять дней Сингэжилэ под предлогом свадьбы получил в управе разрешение на выезд. Дума приготовила припасы, которые должна была передать Яньчи, когда тот затеряется среди свадебной свиты.

За это время Цзи Хуайчжэнь немного подлечился. Хотя ноги всё ещё слушались его неважно, он уже мог ходить без посторонней помощи. Рано утром его разбудила Худе — игру нужно было довести до конца. На него надели ярко-красное свадебное платье, и девушка сама уложила его волосы, водрузив сверху свою фениксовую корону. Это было необходимо на случай досмотра у ворот: невеста просто склонит голову, и стража вряд ли станет присматриваться.

Как только тяжёлый убор опустился на голову Хуайчжэня, тот невольно охнул от неожиданности. Шею пронзила острая боль.

— Почему она такая тяжёлая? — изумился он.

— Свадьба ведь бывает раз в жизни, — наставительно заметила Худе. — Можно и потерпеть.

Хуайчжэнь о чём-то вспомнил и вдруг негромко рассмеялся.

«Один даос как-то нагадал мне, что за свою жизнь я обвенчаюсь трижды»

Худе подумала, что от таких новостей их «господин Яньчи» наверняка бы пришёл в неопишумую ярость.

Сам же Хуайчжэнь не придавал этому значения, посчитав просто забавной байкой. Он поднялся и взглянул на своё отражение в зеркале. Человек, смотревший на него, казался совершенно чужим. У него всегда было много одежды, самой дорогой и изысканной, но свадебное платье он надел впервые. Он невольно расправил плечи.

«Когда Цзи Ванься выходила замуж, была ли её корона такой же тяжёлой?»

Он внезапно обернулся к Худе и низко поклонился. Нефритовые подвески на короне отозвались мелодичным звоном.

— Благодарю вас, дева Худе, за спасение моей жизни, — произнёс он со всей серьёзностью.

Девушка улыбнулась и с достоинством приняла этот поклон.

Хуайчжэнь уже собирался сам набросить красное покрывало, когда дверь распахнулась и вошёл Яньчи.

Оба обернулись к нему. Встретившись взглядом с Цзи Хуайчжэнем, принц замер. Он невольно окинул его взглядом с головы до ног, а затем резко отвернулся, сбивчиво пробормотав:

— Я пришёл... обсудить кое-какие детали.

— Ой, — хихикнула Худе, — а чего это вы так покраснели, благодетель Сяо Янь?

Заметив, что юноша вот-вот взорвётся от негодования, она поспешила скрыться за дверью. В комнате остались только они двое. Неловкость Яньчи лишь усилилась; он упорно избегал смотреть на собеседника, изучая носки своих сапог.

— Сегодня не снимай гайтоу. Просто сиди в паланкине и ни о чём не беспокойся. Как только выедем из города, доберёмся до дома мужа Худе. Там Дума подготовит лошадей и провизию.

Повозка слишком заметна, поэтому до Вэньяна мы доедем верхом.

Он поднял взгляд на Хуайчжэня и увидел, что тот витает где-то в своих мыслях.

— Ты вообще меня слышишь?

— Накрой меня, — невпопад ответил Цзи Хуайчжэнь.

Он небрежно бросил красное гайтоу прямо в руки юноши и принялся изучать безделушки на туалетном столике. Долго вертел их в руках, так и не поняв назначения, пока его взгляд не упал на ярко-красные румяна. Коснувшись их кончиком пальца, он мазнул себе по губам.

Оставшись вполоборота к зеркалу, он оглянулся на Яньчи:

— Ну как, похоже на правду?

Жемчужные нити на короне качнулись, рассыпавшись звонким перестуком. Юноша замер, словно под гипнозом.

Он стоял, нелепо прижимая к груди алое покрывало, а в его голове набатом билась лишь одна мысль о той ярко-красной полоске на губах мужчины.

Пока он стоял так, эта манящая краснота сама приблизилась к нему. Яньчи отступил на шаг, но Хуайчжэнь наступал, пока принц не оказался прижат к стене. Цзи Хуайчжэнь бесцеремонно обхватил его за шею, и жемчужные подвески рассыпались по его волосам, когда он запрокинул голову.

Даже в женском наряде Хуайчжэнь не мог скрыть своей мужественной стати. Он не был похож на невесту — скорее на блестящего молодого учёного, только что сдавшего императорские экзамены.

— Что ты делаешь? — хрипло выдавил Яньчи.

— Прошу тебя накрыть меня гайтоу. Я же сам не вижу, вдруг надену криво и выдам нас?

— Ты слышал, что я только что сказал?

Хуайчжэнь придвинулся почти вплотную, так что их лбы едва не соприкоснулись.

— Слышал, слышал, — прошептал он. — К чему эта воркотня? К чему нервы? Ты же вроде не хотел со мной разговаривать?

Не дожидаясь ответа, он тихо вздохнул.

Несмотря на то, что это он попирал чужие чувства, вздох этот прозвучал так, будто это Яньчи его обидел, а Хуайчжэню приходится снисходить до того, чтобы его утешать.

— Я давно привык к интригам и борьбе за власть. Возможно, в твоих глазах это выглядит как беспринципность. Но теперь ты и сам видишь: я живу так, будто иду по тонкому льду. Будь я хоть каплю милосерднее, мы бы с тобой сегодня не встретились.

Цзи Хуайчжэнь поднял глаза на юношу.

— Я не признаю правил, я жесток. Но есть одно «но»: если кто-то искренне добр ко мне, если кто-то ставит мою жизнь выше собственной, я всегда плачу по счетам. Нужно ли тебе моё тело или моё сердце — я готов отдать всё.

Он чуть крепче сжал руки на его шее.

— Неужели ты не дашь мне ещё один шанс? Хотя бы не избегай меня. Когда ты молчишь, мне становится не по себе.

Яньчи ничего не ответил. Помолчав, он развернул алое гайтоу, в центре которого золотыми нитями был вышит иероглиф «счастье». Ткань была мягкой и благоухала тонкими ароматами.

«Разве под этим можно что-то разглядеть?»

Ему совсем не хотелось вести его за руку.

Цзи Хуайчжэнь послушно закрыл глаза. На его губах играла улыбка — лукавая и капельку порочная. Он не походил на невесту, смиренно ждущую своей участи; казалось, он ждёт чего-то совсем иного.

Алое полотно плавно опустилось, скрывая его лицо от мира.

Яньчи не стал брать его за руку. Схватив за локоть, он повёл его к выходу и помог устроиться в паланкине.

Раздался резкий звук суоны, и свадебный кортеж тронулся в путь.

Яньчи переделся в простое платье и затерялся среди провожатых. Боясь привлечь внимание,

он старался не поднимать головы.

У самых городских ворот их, как и ожидалось, остановила стража. Сингэжилэ поспешно протянул документы и незаметно передал несколько монет. Солдаты уже были готовы пропустить их.

Но когда паланкин собрался тронуться, раздался сальный, до боли знакомый голос:

— Стоять!

Внутри паланкина Цзи Хуайчжэнь, до этого дремавший, мгновенно открыл глаза.

«Явился»

На его губах заиграла торжествующая улыбка.

Яньчи, прячась в толпе, обернулся. Перед ними стоял тот самый человек, что обыскивал задний двор Сингэжилэ. Пальцы юноши сжали рукоять метательного ножа, готовые в любой миг сорваться в бросок.

Все замерли, ожидая худшего, но лже-Саньси, видимо, чего-то опасаясь, лишь на мгновение замаялся, а затем небрежно махнул рукой, давая знак проезжать.

Лицо господина Цзи исказилось в презрительной гримасе.

«Похотливая скотина, а смелости — ни на грош. Типичное ничтожество из тех, что взрастил Лу Ши»

Лже-Саньси провожал паланкин похотливым взглядом, чувствуя укол разочарования. Перед отъездом господин Лу строго-настроено запретил ему ввязываться в лишние неприятности, иначе бы он ни за что не упустил случая позабавиться с той девчонкой по имени Худе.

Его голова была полна грязных мыслей; он уже решил, что с наступлением темноты найдёт способ утолить свой голод.

Однако в этот самый миг занавеска на маленьком оконце паланкина чуть приоткрылась. Изнутри показалась рука — белая и гладкая, словно выточенная из нефрита. Пальцы лениво легли на край окна и начали медленно, один за другим, постукивать по дереву, словно перебирая струны невидимой лютни.

Глаза лже-Саньси хищно сузились.

Это был жест, который в столичных весёлых кварталах безошибочно узнавал каждый гость.
Жест, призывающий следовать за собой.

<http://bllate.org/book/15318/1411908>